

ПРОЗА
МАШИ
ТРАУБ

Читайте книги в серии «Проза Маши Трауб»

Любовная аритмия

О чем говорят младенцы

Я никому ничего не должна

Вся la vie

Семейная кухня

Ласточ...ка

Замочная скважина

Не вся la vie

Пьяная стерлядь

Тетя Ася, дядя Вахо и одна свадьба

Дневник мамы первоклассника

Домик на юге

Падшая женщина

Осторожно - дети! Инструкция по применению

МАША
ТРАУБ
Осторожно – дети!
Инструкция по применению

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Т 65

Художественное оформление серии *С. Груздева*

В оформлении переплета использована иллюстрация
О. Седовой

Трауб М.

Т 65 Осторожно — дети! Инструкция по применению / Маша
Трауб. — М. : Эксмо, 2014. — 288 с. — (Проза Маши Трауб).

ISBN 978-5-699-70960-1

Я очень люблю постановочные фотографии — где все красивые и улыбаются. Дочка — нежная красавица, сын — серьезный, умный мальчик. Я — такая ласковая мама с добрыми глазами. И только мне известно, что происходит за кадром. Как нежная красавица может заупрямиться и ее с места не сдвинешь. Как сын начнет пробовать себя в риторике, стараясь довести меня до белого каления своими ироничными аргументами. И я — суматошная мать с безумным взором, которая не знает, как воспитывать детей. Эта книга для таких же мам, как я, а также пап, бабушек и дедушек, которые не знают, что делать с детьми.

Маша Трауб

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-70960-1

© Трауб М., 2014
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2014

У меня трое детей. Двоих рожала, одного только растила. Старшему сыну Ване уже двадцать семь, из которых шестнадцать он провел рядом со мной. Для меня он по-прежнему — тот самый одиннадцатилетний мальчик, который когда-то сказал своему отцу, чтобы тот на мне женился. Среднему, Васе, скоро будет тринадцать. Подросток в расцвете. Младшей дочери Серафиме — четыре года. Залюбленная, избалованная красавица, позднее папино счастье.

Сразу скажу — я ничего не понимаю в детях. У меня нет психологического или педагогического образования, чтобы в них понимать. Я даже не пыталась разобраться в этих существах, в которых есть мои черты. Я их просто люблю. До безумия, до дрожи в руках и помутнения рассудка. Безоговорочно.

Имею ли я право давать советы? Нет, конечно. Никакого. Всегда ли я поступала так, как надо? Если бы мы, родители, знали, как надо...

Читала ли я книги по детскому воспитанию-питанию-образованию-развитию? Читала. По-

могло ли мне это? Ни разу. Ни в одной из ситуаций.

Испытывала ли я комплекс неполноценности как мать? Да каждый день, стоило только выйти из дома. На протяжении вот уже шестнадцати лет. Сначала мне задавали бесконечные вопросы про старшего сына — а почему он с вами, а как вы его приняли, а кем вы ему приходитесь, а как согласились? Потом про среднего — почему плохо говорит, почему много говорит, почему ходит в эту школу, а не в другую, почему вы ему это позволяете, почему это не позволяете? Теперь переживаю все проблемы детской песочницы уже с дочкой.

Вот именно поэтому я и хотела написать эту книгу — для тех, кто ничего не понимает в детях и не знает никаких рецептов воспитания. Для тех мам, которые устали от советов и хотят только одного — чтобы дети выросли счастливыми.

В этой книге — истории. Мои, чужие, разные. О детях, о родителях, бабушках, педагогах... Я специально рылась в книгах и в Интернете, собирая советы «профессионалов»: как поступить, как себя вести, как действовать. И сразу же вспоминала, как в этом случае сама вела себя. Конечно же, не так, как положено.

Осторожно — дети!

Да, я дурная, заполошная, суматошная, тревожная, непоследовательная, истеричная мамаша. Но за ребенка — любого, и своего, и чужого — я отдам жизнь, сердце, печень, душу, все, что у меня есть. Потому что только ради их счастья живу и дышу. В прямом смысле слова. А еще улыбаюсь. Каждый день.

• • •

Папина дочка. Как себя вести?

Принято считать, что все отцы мечтают о сыне — чтобы играть с ним в хоккей, ходить на рыбалку, разговаривать по-мужски... Это миф — отцы мечтают о дочке. «Эта женщина будет любить меня всегда», — сказал мой муж, когда взял дочь на руки.

Психологи в один голос утверждают, что от того, как складываются отношения дочери с отцом, зависит ее будущая личная жизнь. А еще говорят, что дочери больше любят пап, чем мам. Что для них отец важнее матери во всех смыслах — именно с отцами девочки скорее делятся секретами. Что должны делать папы? Каждую минуту, нет, желательно каждую секунду восторгаться дочерью — она самая красивая, самая ласковая, самая-самая. И тогда у девочек будет правильно формироваться самооценка. Папа для девочки — идеал мужчины, и мужа она будет искать, разглядывая в нем черты отца.

Не знаю, правда это или нет. Знаю, что девочки очень тяжело переживают уход отца.

Осторожно — дети!

И дочка — самый тяжелый якорь, который держит мужчину в семье, даже если он давно собрался уйти. Знаю, что дочки всегда остаются папиными и никогда не бывают мамиными. Даже термина такого нет. Бывают маменькины сынки. И мальчики, да и мужчины действительно более привязаны к матерям, чем к отцам, несмотря на пресловутую рыбалку.

Да, мужчине для полного счастья просто необходима дочь. Это мое твердое убеждение. Дочери удается то, что никогда не удастся жене: научить папу обращаться с женщиной — понимать ее настроение, взгляды, намеки, предугадывать желания и потакать капризам. Потому что если этой девчушке в чем-то откажешь, то она сделает огромные глаза, которые через секунду наполнятся такими горячими слезами, так тяжело вздохнет, что у папы просто остановится сердце, и он побежит, бросится, кинется, достанет луну с неба, лишь бы угодить этой маленькой актрисе, которая, конечно же, немедленно высушит слезы и будет наблюдать за папой, но так, чтобы он не заметил.

Один знакомый папа двух дочек-погодок — пяти и четырех лет — рассказывал, как купил совершенно одинаковых плюшевых собачек, специально проверил, чтобы пятнышки были на одном месте, хвосты одного размера и уши

чтобы торчали в одну сторону. Потому что, если хоть что-то не совпадет, дочери закатят истерику, утверждая, что у другой — собачка лучше и плюшевее.

— Ты представляешь, они их различают! По лапе! У одной на лапе пятно на миллиметр больше, чем у другой! Так они еще решили, что одна собака — девочка, а другая — мальчик. И теперь младшая требует, чтобы я тоже купил ей собаку-мальчика, а старшая требует собаку-девочку. Каждый вечер они приносят мне своих собак и показывают различия. И что интересно, жена тоже считает, что собаки разные, только я этого не вижу! Я вижу ужасную китайскую шерсть, которая уже начала вылезать! Зачем я вообще их купил?

Я вырвалась вечером в гости. Прошло десять минут, как я вышла из квартиры. Звонок мужа.

— Где ее очки?

— Какие очки?

— Солнечные!

— Посмотри в ее шкатулке.

— Как она выглядит? И где стоит? — Муж срывался на крик, на заднем фоне уверенным рыданием заливалась дочь.

Осторожно — дети!

— Шкатулка — это такая коробка. Там сверху нарисована принцесса и замок.

— Где сверху?

— Так. Просто посади ее на подоконник и объясни, что сейчас ночь и солнышко ушло спать, поэтому солнечные очки ей не нужны.

Звонок через пятнадцать минут.

— Она что-то требует! Я не понимаю! Я все сделал, как ты сказала! Но теперь она опять что-то ищет. И она заплакала, когда сходила в туалет! У нее что-то болит? Она сидит на унитазе и отказывается слезать!

— А кто нажимал кнопку слива?

— Я, конечно.

— Вот поэтому она и плачет. Это она должна была нажать на кнопку. Поэтому она хочет еще раз пописать, чтобы самой нажать. И если она ищет не очки, то точно маску для сна.

— А это что такое?

— Штука такая на резиночках. Ни в коем случае не давай ей синюю, только розовую, с бабочками! Она думает, что это ободок или просто украшение.

Звонок еще через пятнадцать минут.

— Она не хочет ложиться спать в свою кровать! — Муж уже в истерике. — И ты сказала, что в холодильнике стоит гречка. Но там ее нет!

Маша Трауб

— На второй полке. Стоит прямо перед тобой. Вы ничего не проливали? Не рассыпали?

— Хлопья рассыпали.

— Значит, дай ей ее детскую швабру и совок. Стоят за шкафом. Пусть она ляжет с ними. Потом уберешь.

— Она не хочет надевать ночную рубашку, которую ты выложила!

— Значит, дай ей пижаму с зайчиками.

— Я дал ей пижаму!

— Какую? С клубничками? Это очень важно. Если она хочет зайчиков, то дай ей с зайчиками.

Но все это покажется ерундой, если послать папу в магазин за детскими сандаликами, плащиком или носочками. Главное — разбирая пакеты, не смотреть на ценники. Потому что папа нашел самый дорогой магазин в огромном торговом центре и купил самые дорогие вещи, которые там были. Первое желание — пойти и все сдать. Но после того, как дочь надевает обновки — совершенно ненужное бальное платье или атласный халатик, причем одно на другое, — и ложится в этом спать, совершенно счастливая и уверенная в своей неотразимости, желание сдавать вещи отпадает само собой. А еще дочь подходит к папе и целует его в щеку. После этого па-

па становится пластилиновым и готов опять ехать в магазин покупать новые наряды.

Я несколько раз пыталась проделать то же самое — и в щеку целовала, и по дому в новых сапогах ходила, но такого эффекта не добились ни разу.

При этом дочери, как правило, оказываются точными папиными копиями. Вот моя Сима по утрам ведет себя точно так же, как ее отец. Он двадцать раз должен проверить, взял ли мобильный, ключи от дома, ключи от кабинета, бумажник, зонтик и прочее. Может пару раз вернуться, если что-то все-таки забыл. Сима, уходя на занятия, складывает в рюкзак жизненно необходимые ей в дороге, занимающей десять минут, вещи — одну конфету, две баранки, упаковку бумажных носовых платков, недавно подаренный диск с мультфильмами, плед, который она никак не может поделить с братом, куклу и новые туфли. Если что-то забыто, то Сима аккуратно и методично достает все из рюкзака, проводит ревизию и начинает складывать заново. Столь же методично она раскладывает свои вещи по местам — заколки в шкатулку, джинсы на полку. И тут же забывает, куда что положила. А уж если она решила, что платье — ее любимое, то будет ходить в нем и днем, и ночью. Папа

Маша Трауб

поступает точно так же, затаскивая любимые штаны до пузырей на коленях. И точно как дочь может потерять футболку на специально выделенной полке в шкафу.

Мой знакомый вместо собачек принес дочкам двух совершенно одинаковых кукол, умеющих плакать, писать и ложиться спать. Но его дочери выяснили, что куклы плачут не одновременно, а с интервалом в долю секунды, писают не равным количеством воды и закрывают глаза не синхронно. И теперь ждут от папы новых подарков.

— Они вдвоем обняли меня с двух сторон, поцеловали и тут же начали ругаться, кто больше любит папу. И весь вечер целовали меня, стараясь сделать это в один и тот же момент. Потом обе чуть не подрались в ванной, споря, кого я должен первой доставать и заворачивать в полотенце. И ты знаешь, я наконец понял, что с ними лучше не спорить. Жена говорит, что ей на это понадобилось десять лет совместной жизни, а детям — один вечер.

Я вернулась из гостей. Дочка спала с детской шваброй в обнимку, обмазанная шоколадом. В кровати валялись фантики из-под конфет. Муж тоже сладко спал, держа в руках волшебную палочку принцессы. На голове у него были крылья феи, а на глазах — розовая маска для сна, украшенная бабочками.

Осторожно — дети!

**Детские игрушки,
бытовой травматизм,
или Как каждая мать
может стать Гудини**

Сима играла с воздушным шариком в форме зайца, привязанным к пластмассовой палочке. Родители маленьких детей меня поймут — нужно следить, чтобы ребенок не ткнул этой палкой себе в глаз. Сима совершенно случайно, заигравшись, ткнула — но не себя, а меня. Еще чуть выше и правее — и глаза бы не было. Удар оказался настолько сильным, что под глазом тут же растекся сине-желтый синяк. Скула опухла. Льда в морозилке, конечно же, не оказалось, зато там лежал цыпленок. Когда с работы пришел муж, я сидела на кухне, прижимая к лицу холодную тушку бройлера.

— Все в порядке? — спросил муж.

Он всегда задает самые неожиданные вопросы, на которые я далеко не всегда могу ответить. Если жена, вместо того чтобы жарить курицу, елозит ею по щеке, то совершенно ясно, что не все в порядке!

Весь вечер я народными средствами боролась с гематомой, которая расползалась все шире, — прикладывала монетку, половину кар-

тофеля, мазалась бодягой и даже подумывала пойти поискать в парке подорожник. Ничего не помогало. Сима, чувствуя свою вину, кинулась целоваться, а я была к этому порыву не готова и не закрыла голову руками. Дочь врезалась своим лобиком, хоть и детским, но твердым, прямо мне в переносицу. Я опять пошла за курицей, а Симе выдала замороженный кусок мяса. Она тоже ойкала, рассматривала себя в зеркале и пошла с мясом спать. Я, конечно же, забыла про него, как забываю про игрушки, которые дочь складывает мне в кровать, и до утра ворохаюсь на какой-нибудь бабочке с пластмассовыми крыльями. Мясо, конечно же, растаяло и растеклось лужицей.

— Что-то случилось? — вежливо спросил муж, увидев, как я поздно вечером перестилаю белье и пытаюсь оттереть губкой матрас.

Но ведь совершенно ясно, что да, случилось, а он еще спрашивает!

Мы вышли с дочерью гулять. Меня окликнула женщина.

— Можно вас на минутку?

— Нет, спасибо, я ничего не буду покупать, ни во что не верю, ничего не читаю, — ответила я.

— Девушка, не нужно плакать, вы такая еще молодая, вся жизнь впереди. Главное — решиться. Бросайте все и бегите! — переходя на

Осторожно — дети!

жаркий шепот, продолжала женщина, держа меня крепко за руку. — Вот, давайте я вам запишу телефон. Это очень хороший кризисный центр для женщин, пострадавших от домашнего насилия.

— Спасибо, — кивнула я.

Женщина меня обняла и пошла своей дорогой.

Ну а о том, как на голову падают санки с верхней полки в коридоре, или о том, что чувствуешь, когда ребенок проезжает тебе по ногам на самокате или велосипеде, а также о том, как застреваешь пальцем в игрушечной детской коляске, да так, что потом слезает ноготь, я даже рассказывать не буду. Хотя нет, расскажу. Однажды, когда я доставала коляску из багажника машины, нечаянно прихлопнула себе палец. Брызнули слезы. Палец тут же надулся и превратился в мультяшный, раздувающийся на глазах. Я отгуляла с коляской, вернулась домой и только на следующий день сдалась врачам. Отделалась сползшим ногтем.

Сима очень любит всякую бытовую технику — у нее есть и игрушечная стиральная машина, и утюг, и миксер. Для полного счастья ей не хватало игрушечной микроволновой печки. Купила. Печка оказалась почти на-

стоящей, с кнопочками, дисплеем и внутри с курицей-гриль, пластмассовой тушкой размером с картофелину.

Предполагается, что курицу нужно класть на тарелку и разогревать. Эта курица, без которой Сима не садится есть, все время куда-то теряется. То мы ее ищем под диваном, то в диване. Один раз я ее случайно выбросила в мусорное ведро, и пришлось перерывать мусор. И как-то я убрала курицу, чтобы не терялась, в ящик с игрушками, в шкаф. Как могло случиться, что курица упала за заднюю стенку шкафа, не знаю. Но шкаф закрыть было невозможно. Сима рыдала, требуя вернуть ей курицу.

Я открыла шкаф и засунула руку, пытаясь нашарить эту тушку в зазоре между стеной и шкафом, и почти ее ухватила. Но курица выскользнула и откатилась в другую сторону.

А дальше началось самое интересное. Я поняла, что не могу вытащить руку. Застряла. Между прочим, очень больно. Мне казалось, при малейшей попытке пошевелить рукой я сломаю ее в двух, а то и трех местах. Дома никого из взрослых не было. Я сидела на полу, левой, свободной от шкафа, рукой я могла дотянуться только до лисички-сестрички из кукольного театра и до игрушки

с рыбкой — нажимаешь на кнопочку, лепестки-водоросли крутятся, и в середине появляется рыбка. У меня в детстве тоже была такая игрушка, только вместо водорослей был цветок, а внутри — Дюймовочка. И я, чтобы успокоиться, сначала понажимала на кнопочку, разглядывая рыбку, а потом нацепила на руку лису. Сима, как ни странно, перестала плакать и включилась в игру. Пока я говорила голосом лисы про то, кто в теремочке живет, Сима завалила меня диванными подушками, строя теремок. Мне было душно, потому что дочь меня замуровала и сверху укрыла пледом, но я терпела и ждала.

— Сима, сколько времени? — спросила я, зная, что дочь мне не ответит.

— Сима, а принеси мне телефон, — сделала я еще одну попытку. Дочь принесла не доеденное в обед пюре и начала меня кормить. Господи, что я даю ребенку!

— Сима, я не хочу больше. — Я повернула голову, но дочь стала запихивать мне в рот ложку насильно. Господи, неужели я так издеваюсь над ребенком?

Оставив меня дожевывать холодное и склизкое пюре, Сима ушла и долго громыхала стулом на кухне. У меня чуть сердце не остановилось — она могла упасть, взять нож, по-

Маша Трауб

скользнуться, включить плиту... А я сидела и не могла сдвинуться с места.

Наконец дочь вернулась и, устроившись рядом со мной, высыпала на пол конфеты, которые сгребла из вазочки, стоявшей на второй полке в кухонном шкафу. Улыбаясь и ласково глядя на меня, она поедала одну конфету за другой.

— Сима, дай мне конфетку, — попросила я, но дочь сразу стала строгой и сунула мне в рот еще одну ложку с пюре. Правильно, пока не доешь пюре, конфет не получишь.

В три часа из школы должен был вернуться сын, и я на него очень надеялась. Мне казалось, что двенадцатилетний мальчик уж точно найдет способ вытащить мою руку из шкафа, избавит меня от доедания пюре и вытащит из этого «теремка».

Казалось, прошла вечность, и вот наконец хлопнула входная дверь. Хорошо, что я оставила ее открытой. Сима выбежала встречать брата и на своем детском языке стала восторженно ему объяснять, что курица пропала, мама в домике, а она ест конфеты.

— Привет, Сим! — Вася не особо впечатлился рассказом. Наверное, он просто ничего не понял. И как всегда, прошел в ванную, а потом в свою комнату, закрыв дверь.